

В.М. Чернов

**Записки социалиста
революционера**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В.М. Чернов**
Записки социалиста революционера / В.М. Чернов – М.: Книга по Требованию,
2021. – 339 с.

ISBN 978-5-518-00802-1

ISBN 978-5-518-00802-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Хотя путь Русской Революции еще не завершен, но уже настало время положить начало великому труду собирания материалов для будущей истории великого переворота. Мы, современники событий грандиозных, обязаны, не медля, создать, собрать и сохранить документы, рисующие ход исторического движения, работу личностей, и приготовить все материалы для здания, которое возведет будущий историк. Среди этих материалов одно из первых по важности мест должны занять записки, дневники, воспоминания тех людей, которые творили эти события, или тех, которые наблюдали их. Записки видных участников событий будут ценны для построения политической истории переворота, записки честных свидетелей, вдумчиво наблюдавших ход революции, будут незаменимым подспорьем в работах по истории бытовой. Но особенно важна историческая ценность современных записей в том отношении, что они являются единственным источником выяснения жизнеощущения и быта революционной эпохи. Желая посылить содействовать труду собирания материалов,

мы ставим задачей в нашей серии собрать именно эти современные дневники, записки, мемуары деятелей и современников революции. Преследуя исторические задачи прежде всего, мы намерсны дать в нашей серии место авторам различных политических взглядов — от крайних левых до правых включительно. Только такое полное сочетание материалов даст возможность охватить все жизненное богатство великого исторического переворота.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Бывает два рода поколений. Одни — вступают в жизнь, раскрывают глаза на все, что творится вокруг, в светлые эпохи, так сказать, мировых торжеств, праздников истории. Ф. Тютчев однажды написал:

Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые;
Его позвали всеблагие,
Как соучастника на мир.
Он их высоких зрелищ зритель...

Тем более блажен тот, чья духовная жизнь начинается под аккомпанимент торжественного походного марша истории. Волна исторического подвига сама захватывает мысль и сознание этих родных детей, любимцев судьбы, и поднимает на те высоты, на которых человеческий дух обеспечен от мелочного вырождения, от гибели в вязкой трясины повседневности. Других — пасынков своих — судьба бросает на свет в серые будни, в тяжкие моменты попятного движения истории, когда идет работа приготовления лучшего будущего, то черновая работа, лишенная внешнего драматизма и ярких красок. Широкая столбовая дорога мирового прогресса как-то обрывается и пропадает; вместо нее видна только сеть извилистых и узких тро-

линок, в которых так легко заблудиться. Скучные сыпучие пески, которыми тяжело бредут скучные, хмурые люди. Нет больше героев и крупных актеров предшествующей мировой трагедии — они разлетаны в разные стороны злыми вихревыми движениями черного смерча реакции, если не вовсе сметены с лица земли и не вычеркнуты из числа живущих. Молва об их подвигах живет разве в виде «казарменной сказки», в которой действительное мешается с мифическим, — это еще звучит слабое повторное эхо недавних громов. Еще далеко до нового подъема мировых стихий; разве слабые и немощные зарницы предгрозя на момент пурпурным отблеском кровавят края исторического горизонта, да тяжело дышится в сгущенной атмосфере, в которой медленно, но верно скопляется электричество...

О, я знаю, конечно, что и мировые празднества и торжества не только балуют и лелеют своих первенцов. Это совсем особые, грозные пиршества стихий, о которых вещают бравурные баллады, как «всю ночь пировали земля с небесами», «гостей угощали багровые тучи» и «столетние дубы с похмелья валялись». Слишком огромные события могут всю свою тяжестью навалиться и подавить воображение, притупить восприимчивость, оглушить до того, что новое поколение вступает в жизнь под знаком неодолимой потребности отдохнуть, отдышаться. Я знаю, что от этого надрыва, от этой внутренней червоточины избавлены те, кто в пору предрассветных сумерек или в глухие ночи реакции не дали захватить себя мертвенному сну, угашению духа. Счастливы пережившие «с молодых ногтей» подобные испытания навсегда сохранят упрямую, неугасимую жажду яркой жизни. Ведь влияния первой юно-

сти, когда «новы все впечатления бытия», когда душа чутка, словно золотая арфа, — самые сильные, врезающиеся глубже всех...

II, конечно, антитеза мировых торжеств и похмелья после пира — не исчерпывает всех ситуаций. Рядом с ней можно поставить и другую антитезу. Бывают эпохи, напоминающие безоблачные дни, когда недавно промчавшаяся буря очистила, освежила атмосферу, когда природа блещет нежащим покоем. Счастливы, на первый взгляд, люди, вступившие в жизнь под знаком такой светлой удовлетворенности в идеально нормальных условиях для первоначального развития! Ведь детство и юность так хрупки... Но не надо забывать, что в истории «даром ничто не дается», и мстительная, завистливая судьба «жертв искупительных просит». Поколения, взращенные такими безоблачными временами, нередко вырастают чересчур размягченными и изнеженными, словно тепличные растения; момент пересадки в самый «грунт жизни» для них бывает критическим моментом, когда случайно подвернувшаяся непогода может навеки искалечить чуть не целое поколение, поразив его дряблой анемичностью и осудив не на жизнь, а на вялое прозябанье. И бывают другие эпохи, — близкие к а н у н ы мировых драм, когда их предчувствием полна вся атмосфера. Нет еще ослепительного фейерверка событий, еще довольно времени для того, чтобы подготовиться к встрече грозы. Но уже волна неслышного, внутреннего под'ема народной и общественной энергии властно захватывает своим течением всех и вся; это — эпохи, когда поветрием революции стягиваются в сферу ее магнитного притяжения самые разнообразные элементы; когда, по старому народному при-

словью, «резвенький сам набегит, а на тихонького Бог нанесет». «Рекрутский набор» революции в такие эпохи идет всего успешнее. За то, быть может, количеству не так соответствует качество. Там, где на стороне нового движения стоит и могучая в человечестве стихия стабильности, и поверхностная мода, и даже заглядывающий в даль авантюристский карьеризм, там стан «чающих движения воды» получается слишком пестрый. Будущие перемены и превратности судьбы произведут в нем свой «отбор». Это — не то, что в глухие эпохи безвременья. Тут «экзамен» дан с самого начала, спайка прочнее, отбору почти нечего делать. Все «предопределенное» внутренними и внешними соотношениями читается ясно, как в раскрытой книге...

Таковы результаты моих «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет» за все время жизни, когда перед моими глазами сменялся целый ряд вновь входящих «в строй» поколений, и когда приходится думать о том месте, которое занимает мое собственное поколение в пестром людском калейдоскопе, продолжающем разворачивать свою бесконечную нить. Но не в горестный цвет окрашивается для меня это грандиозное целое — вмещающийся в узкие рамки личного бытия отрывок целого, еще более грандиозного. Радостное, горестное — здесь только подъемы и ниспадения отдельных волн на поверхности, изборозженной лабиринтом перекрещивающихся могучих океанических течений. И эти подъемы и ниспадения предстают — или, по крайней мере, ощущаются мною — не как мутящая «мертвая зыбь», а как перемежающееся кризисами мощное развитие неутомимой стихии «живой жизни»...

КНИГА ПЕРВАЯ

В ГОДЫ БЕЗВРЕМЕНЬЯ

(1889—1899)

I.

Сознательной жизнью я начал жить в конце восьмидесятих годов. Это было необыкновенно тусклое время. Кругом себя мы не видели никаких ярких фактов политической борьбы. Общество в революционном смысле было совершенно обескровлено. Оно было — словно тот «вырубленный лес», про который говорил поэт —

Где были — дубы до небес,
Теперь — лишь пни стоят...

Жила только легенда о «социалистах» и «нигилистах», ходивших бунтовать «народ» и показывавших наглядно пример, как бороться со всеми властями и законами, божескими и человеческими — кинжалом, бомбами и револьверами. Романтический туман окутывал этих загадочных и дерзких людей. О них кругом вспоминали с обывательским осуждением, но вместе — с каким-то невольным почтением. И это действовало на молодую фантазию... Миф о «нигилистах» был жутко-притягивающим, — как миф о восставшем против Саваофа гордом ангеле, как о строителях Вавилонской башни... как о разбившемся на смерть Икаре.

Лично мне, росшему без матери, под ежедневным и ежечасным гнетом классической «мачехи» и убе-

гавшему от ее нудных преследований на кухню, в «людскую», на берег Волги, в общество уличных ребяташек, — было так естественно впитывать в себя, как губка впитывает воду, любовь к народу, которою дышала поэзия Некрасова. Я знал его почти всего наизусть. Помню, какую боль причинила мне, четырнадцатилетнему мальчику, книжка какого-то реакционного журнала со статьей на тему «Разоблаченный Некрасов». Ее мне подсунул знакомый моего квартирного хозяина, надзирателя реального училища Гршфельда, подсмеивавшийся над моим обожанием некрасовской музыки «мести и печали». Я был положительно несчастен. Вся душа моя перевертывалась от одной мысли о возможности того, чтобы Некрасов, мой Некрасов, трогавший меня до слез, был картежником, чуть ли не шулером, владел крепостными, подхалимничал перед властью иными... Я разрешил для себя эту коллизию тем, что счел все эти рассказы черной клеветой. Я сам рос постоянно «унижаемым и оскорбляемым», и меня так естественно тянуло ко всем «униженным и оскорбленным». Это был мой мир, и я вместе с ним противопоставлял себя «царящей неправде». Некрасов расширил для меня этот мир. Благодаря ему он вырос из людской и кружка уличных товарищей по ребяческим скитаньям и бродяжеству — на весь мир народный, мужицкий, трудовой. Как сейчас помню — в г. Саратове, где учился я в гимназии, стали ходить темные слухи о готовящихся уличных беспорядках, о погроме кабаков и богатых домов — чуть ли не по поводу каких-то празднеств, во время которых уличная чернь ждала иллюминации и дарового угощения и, не получив последнего, считала себя обманутой. Наш настороженный слух подхватил